

УДК 821.161.1"18"
ББК 84(2Рос=Рус)5

И.Л. Багратион-Мухранели

ДВА ХАДЖИ-МУРАТА («КАВКАЗСКИЙ ГЕРОЙ» Д.Л.МОРДОВЦЕВА И «ХАДЖИ-МУРАТ» Л.Н.ТОЛСТОГО)

Рассматриваются произведения, посвященные одному и тому же историческому персонажу – Хаджи-Мурату в романе Д.Л. Мордовцева «Кавказский герой» и повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат». Сравняется стиль каждого из авторов, отмечается слабость, вторичность романа Д.Л. Мордовцева и новаторский («краткая эпопея») характер повести Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: *эпос, стиль, метафора, сюжет, исторический роман, кавказская тема, народный характер, компаративистика, образ чужого, иммагология.*

Багратион-Мухранели Ирина Леонидовна – канд. филол. наук, доцент кафедры лингводидактики и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков Московского городского психолого-педагогического университета

Тел.: 8-495-614-36-76; 8-916-155-53-64
E-mail: mybagheera@mail.ru

© Багратион-Мухранели И.Л., 2012.

Замысел Хаджи-Мурата появился у Л.Н.Толстого еще в 1851 г. Первый вариант, написанный тогда же, в пятидесятые годы был отложен. К повести писатель вернулся много позже, в 1902 и работал над ней в 1904–1905 гг. Опубликована она была только после смерти писателя, в 1912. Работа шла трудно, Толстой едва не отказался от замысла, в письмах называл «Хаджи-Мурата» своей «самой неинтересной вещью» [Толстой, т. 73, с. 228], беспокоился о том, что читательский интерес к этой теме уже удовлетворен, поскольку писатель помнил о какой-то книжке на ту же тему.

Действительно, в 1901 – 1905 гг. тремя изданиями выходила книга Д.Л. Мордовцева «Кавказский герой», посвященная Хаджи-Мурату.

Д.Л. Мордовцев был плодовитым писателем. Его перу принадлежат 20 романов из русской и украинской истории, 10 романов из истории Древнего мира, ряд исторических романов на кавказские темы. Тиражи его книг были высокими, они выходили и как приложения к журналам, и самостоятельными изданиями.

В начале века, в связи с 50-летием его литературной деятельности, по каталогам и отчетам провинциальных библиотек и читален спрос на произведения Мордовцева «идет непрерывно и занимает одно из первенствующих мест», а по подсчетам издателя, сочинения Мордовцева могли бы составить 129 объемистых томов» [Буланже, с. 129].

Его исторические романы были написаны легким слогом,

не были лишены ученых достоинств, но «какая-то особенная юркость ума, – писал о нем Н.К. Михайловский, – не дает ему погрузиться целиком в исследование “действ и причин” исторических вещей» [Михайловский, с. 664].

Сочинения Мордовцева, достаточно выверенные в историческом отношении, с точки зрения литературной не выдерживают критики. Немногочисленные исследования, посвященные его творчеству, отмечают эту диспропорцию. А.Ю. Сорочан называет свою книгу, посвященную Мордовцеву, «Квазиисторический роман в русской литературе». Объясняя применение термина, Сорочан пишет: «Эта беллетристика заслуживает наименования “квазиисторической” – ведь место истории в ней занимает литературное представление об истории. <...> Но помимо произведений на экзотические и библейские темы, Мордовцев создает в 1890-х гг. целый ряд книг, посвященных историческим судьбам Кавказа. Здесь специфика “квазиисторического романа” раскрывается как нельзя более ярко» [Сорочан, с. 48].

Думается, что применение термина «квазиисторический» к сочинениям Мордовцева не точно, хотя оно и было подсказано автором. Один из рассказов цикла «Кавказские курорты. Рассказы из жизни под Эльбрусом» носят название «Амазонки у Нарзана. Quasi una demi-historika novella» [Мордовцев, 1991, с. 35], откуда и могло пойти это определение.

Между тем, с исторической точки зрения, нарекания к произведениям Мордовцева не возникают. Тогда как литературная сторона его писательского таланта чрезвычайно слаба. Его скорее следовало бы назвать «квазихудожественным», «квазилитературным» писателем. В «Кавказском герое» встречаем знакомую цитату из «Путешествия в Арзрум», характеризующую горцев «у них убийство – простое телодвижение». Но не подготовленная логикой авторского рассказа, она теряет выразительность.

Ощущение примитива возникает при чтении постоянно. Отсутствие психологической убедительности сводит на нет усилия автора. Дойдя до рассказа об одном из походов Хаджи-Мурата Лорис-Меликов (на тот момент адъютант наместника на Кавказе генерал-губернатора Воронцова), называет горца «ваше высокостепенство» и говорит:

«– Я сам видел вас в деле: вы казались мне каким-то богом войны. Этого и Аннибал не проделал бы со своими карфагенянами в горах Альп.

– Какой Аннибал? – удивился Хаджи-Мурат.

– Один из величайших полководцев в древнем мире.

Хаджи-Мурат только рукой махнул, и Михаилу Тариэловичу ничего больше не оставалось, как взяться за записную книжку и карандаш» [Мордовцев, 1902, с. 96 – 97].

Неумеренность эпитетов в отношении Хаджи-Мурата – постоянная. Это и Аннибал, и «лев в клетке», и «Прометей прикованный к горам Кавказа». После побега лексика меняется на противоположную. «Здесь

мерзавец совершил свое гнусное дело! (убил конвойных) – с презрением сказал Карганов.

– О, негодяй! – заскрежетал зубами Бучкиев» [Там же, с. 105].

Литературной схематизации подвергается и образ Государя – императора Николая I. Если Толстой дает пространный анализ и резкую критику поведения и психологии Государя в разговоре с Чернышевым, в эпизоде с придворными на балу и т.д., у Мордовцева Государь воспринимается как *deus ex machina*, призванный вносить высшую справедливость.

При этом концепции политики России на Кавказе у Мордовцева, практически, нет. То он сочувствует горцам, то встает на официальную имперскую точку зрения о необходимости подчинения «наступающей цивилизации». Особенно это проявляется в повестях «Прометеево потомство» и «Царь без царства». Кавказ Мордовцева слишком знаком читателям. Это все тот же Кавказ начала XIX в., литературная страна Грибоедова и романтиков. Мордовцев продолжает линию Бестужева-Марлинского. Он проходит мимо «Казаков» Толстого и его полемики с Марлинским (подробнее об см. [Багратион-Мухранели, с. 87 – 94]).

Исторические романы кавказского цикла Мордовцева преимущественно адресуются не взрослой публике, знакомой с исследованиями историков, «Войной и миром» Л.Н. Толстого, а юношеству. Кавказский цикл Мордовцев пишет по заказу коммерческих изданий. Отсюда трафаретность и повторяемость литературных ходов, калейдоскоп из «экзотических» кавказцев, поверхностных сюжетных линий, желание разнообразить повествование за счет (и в частности, в «Кавказском герое») употребления излишнего количества экзотизмов и литературных ассоциаций, отсылающей к предшествующей литературе. Позиции Толстого и Мордовцева, фактически представляют «век нынешний и век минувший» русской прозы. Расходятся они и в изображении образа и судьбы Хаджи-Мурата.

Оба писателя пользовались одним кругом исторических источников – материалами, опубликованными в «Русской старине» 1881г., записками А.Л. Зиссермана «Двадцать пять лет на Кавказе» (1879), «Сборником сведений о кавказских горцах» (1869 – 1881), «Хаджи-Мурат. Письма о нем кн. М.С.Воронцова и рассказы кавказцев. 1851 – 1852». Любопытно, что и у Мордовцева, и у Толстого использована рамочная композиция, в которой Хаджи-Мурат рассматривается как часть природы. Это финал, в котором фигурирует растение (часть вечно обновляющейся природы), демонстрирует читателю, что с гибелью героя жизнь не кончается. Но у Толстого это растение – репей, татарник, символ жизненной силы и сопротивления смерти, у Мордовцева – роза, вполне литературно брошенная героиней княжной Саломэ предмету своего восхищения – «дикому горцу».

В «Кавказском герое» и в «Хаджи-Мурате» можно отыскать и другие сходные мотивы. Некоторые продиктованы историческими обстоятельствами, – например, отрезанная голова героя. Другие подсказаны

природой Кавказа. И у Мордовцева накануне гибели героя поют птицы. И у Толстого «соловьи, смолкнувшие во время стрельбы, опять защелкали, сперва один близко и потом другие на дальнем конце» [Толстой, т. 35, с. 119].

Общее же сходство между произведениями чрезвычайно отдаленное, так не похож стиль Толстого на стиль Мордовцева. «Когда я пишу историческое, я люблю быть до мельчайших подробностей верным действительности», – признавался Толстой [Т. 73, с. 353]. Для одного только первого наброска «Хаджи-Мурата» он ознакомился с сочинениями, в которых насчитывается около 5000 страниц [Бойко, с. 495].

Повесть Толстого совершенно лишена «марлинизмов», влияния стиля Бестужева-Марлинского, которому Мордовцев продолжает отдавать дань, несмотря на то, что их разделяет почти полвека развития русской литературы. Л.Н. Толстой не только скрупулезно выстраивает исторические детали, кратко и ярко рисует спутников Хаджи-Мурата, мелькнувших горцев, окружение Воронцова и Николая. Автор отмечает в Хаджи-Мурате ловкость и грацию, природную силу и одаренность жизнью, которую чувствуют и Мария Васильевна, невестка Воронцова, и Булька – ее сын, и Бутлер, и Мария Дмитриевна, к которой он определен на постой. Толстой насыщает подробностями каждую сцену, каждый эпизод. Стиль его лишен риторики и литературности. Он продолжает линию «Путешествия в Арзрум» Пушкина в изображении войны как будничного дела, и как места выявления подлинных человеческих качеств. И над всем этим – осуждение войны.

Лаконизм и отсутствие экзотизмов, психологическая оправданность мотивации поведения героев в повести Толстого делает это произведение одним из совершенных явлений русской литературы. Сравнение ее с прозой «Кавказского героя» Мордовцева лишь подчеркивает интерес читателей к кавказской теме и исключительное мастерство зрелого произведения Л.Н. Толстого.

Повесть Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» по праву находится в центре исследовательской мысли. Вот основные вехи на этом пути. Уже современники отмечали ее глубину и своеобразие, понимая, что этому произведению уготовано место в ряду классических текстов. [Буланже, с. 70 – 71]. В советское время Л. Семенов рассматривал тему Хаджи-Мурата в художественной литературе [Семёнов, с. 50]; исследовательница Л.Мышковская в книге «Работа Л.Н.Толстого над произведением» также рассматривает создание «Хаджи-Мурата» [Мышковская, с. 21 – 43]. Б. Эйхенбаум сделал ряд ценных наблюдений над стилем, озаглавив свою работу «О повести Л.Н.Толстого "Хаджи-Мурат"» [Эйхенбаум, с. 156 – 173]. В.Б. Шкловский опубликовал статью «Последняя повесть Л.Н.Толстого» в «Вопросах литературы» [Шкловский]; П. Палиевский рассматривал повесть в статье «Реалистический метод позднего Толстого (повесть "Хаджи-Мурат")» [Палиевский, 1969]; Л.Д. Опульская, автор раздела «Л.Толстой в Истории русской литературы в 10 томах» [Опульская, с. 598 – 605] также уделила повести серьезное внимание; В.А. Ко-

валев, один из лучших знатоков стиля Толстого, рассматривал ее в монографии «Основные черты стиля художественной прозы Л.Н.Толстого. Очерки по стилистике русского языка» [Ковалев] и другие. В книге И.Ш. Юнусова «Постижение чужого в творчестве Л.Н.Толстого» третья глава посвящена теме постижения чужого в кавказских произведениях Л.Н. Толстого [Юнусов, с. 24 – 66].

Значительно меньше литературы о творчестве Д.Л. Мордовцева. Менее распространена идея сравнения произведений Толстого и Мордовцева. На эту тему существует статья 1986 г. Сьюзен Лейтон [Susan Layton, p. 1 – 17] и упомянутая выше работа Ю. Сорочана.

«Хаджи-Мурат» стал не только важной вехой в творчестве писателя. Толстой достигает в этом произведении качественной новизны. Сходство «Хаджи-Мурата» с «Войной и миром» отмечали многие критики. Еще в 1912 г. критик С. Адрианов писал о первой публикации повести: «Толстой уложил огромную концепцию, по широте захвата напоминающую “Войну и мир”. <...> От хаты крепостного мужика через быт заброшенных на Кавказ солдат и офицеров мы поднимаемся в чертоги светлейшего наместника и, наконец, в Зимний Дворец, – и с такою же полнотой входим в жизнь горцев» [Адрианов, с. 355]. Повесть называли «сжатой эпопеей», «конспективной эпопеей» [Палиевский, 1974, с. 7] и т.д. Современный исследователь В.А. Келдыш пишет: «Искания автора “Хаджи-Мурата” в известной степени одноприродны исканиям Чехова. Они шли навстречу друг другу по пути преобразования образной мысли в сторону максимальной ее концентрации. Если Чехов, оставаясь в границах малой формы, расширял ее содержание до невиданных ранее объемов, то Толстой, сохраняя масштабы содержания, присущие большой форме, предельно минимизировал занимаемое им пространство» [Келдыш, с. 246 – 247].

Толстой показывает Кавказскую войну как несправедную и ненужную, в отличие от «народной войны» 1812 г. Он с равным вниманием передает точку зрения врагов, горцев, и русский взгляд на события, достигая в этом подлинно эпического беспристрастия. Писатель фактически выступает как основоположник иммагологии (наука об образах «чужого») в русской литературе.

В «Хаджи-Мурате» Толстой продолжает развивать основные философские идеи романа-эпопеи, видоизменяя их. Так, образ Платона Каратаева, воплощающий суть народного характера, в «Хаджи-Мурате» продолжается образом солдата Авдеева, который «охотой за брата пошел» и нелепо гибнет от шальной пули. Его благодарность Богу – Жизни – за все, даже за «безвинные страдания» говорит о сходстве образов. Представление Авдеева о единстве всех людей, о том, что «мир – большой человек», и «рота – большой человек» уравниваются яркостью личностью главного героя. Хаджи-Мурат наделен волей, энергией, индивидуальностью, и они показаны как безусловная ценность. Метафора с татарником, предваряющая историю Хаджи-Мурата, содержит новые интонации, если сравнивать их со смирением Платона Каратаева – выс-

шей ценности. Репей, отстаивающий жизнь до последнего, показан растущим как «один среди всего поля». Пословица «Один в поле не воин» опровергается судьбой Хаджи-Мурата. Толстой продолжает раздумывать над воплощением народного характера, и русского, и чуждого народа, горцев. В «Хаджи-Мурате» ими являются люди цельные, не потерявшие связи с природой. Это и Марья Дмитриевна, и кавказский офицер Бутлер, и целый ряд мелькавших в эпизодах персонажей, вроде денщика Вавилы. Но не отказ от личной воли, а эта связь выступает критерием.

Разноплановый текст повести, различные географически, этнографически, психологически и т.д. эпизоды «Хаджи-Мурата» получают цельность благодаря изначальной метафоре, связывающей построение сюжета воедино. Вместо ориентации на изображение фрагмента жизни как абсолютной и замкнутой действительности, Толстой, также как в «Войне и мире», дает в «Хаджи-Мурате» предельно широкие границы изображения. Часть фрагментов реализуется в сюжете, другие, нужные для объяснения отношения автора к действительности, остаются нереализованными, (хотя предполагается, что автор может это сделать). «Действительность – главный и единственный бог монологического повествования. Всеведущий и всевидящий повествователь в монологическом романе – абсолютная сила не потому, что он знает о герое все, но потому, что он опирается на стабильные значения действительности, которая есть не только изображаемый мир, но и единственный язык, данный для художественного изображения. Монологический роман можно назвать романом всеобщего объяснения. Он объясняет не только фрагмент действительности, представленный в нем, но и истинный смысл борьбы субъекта с нею, как запрограммированное его встраивание в мир» [Шатин, с. 155] – пишет Ю.В. Шатин, анализируя единство художественного мира творчества Л.Н. Толстого.

Подводя итоги, нужно сказать, что в кавказских романах Мордочева, и в частности в романе «Кавказский герой», литературность описания, сюжетные ходы, не раскрывающие отношения писателя к действительности (она существует как бы «по умолчанию») существенно умаляют значение им написанного. Тогда как «Хаджи-Мурат» Толстого знаменует новый этап развития эпического мастерства и новое качество русской литературы.

Литература

Адрианов С. Критические наброски // Вестн. Европы. 1912. Т. 47, кн. 4.

Багратион-Мухранели И.Л. Картины межкультурной коммуникации в повести Л.Н. Толстого «Казачьи». // Проблемы филологии. Язык и литература: междунар. науч. журн. / МГППУ. Факультет иностранных языков. 2010. № 1. С. 87 – 94.

Бойко М.Н. Комментарии // Толстой Л.Н. Собр. Соч.: в 22 т. Т. 14, М., 1983.

Буланже Л.А. Материалы по истории русской литературы и культуры. Как Л.Н. Толстой писал «Хаджи-Мурат» // Русская мысль. М., 1913. Кн. VI.

Келдыш В.А. Преобразование этики («Хаджи-Мурат» Толстого) // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М., 2009.

Ковалев В.А. Основные черты стиля художественной прозы Л.Н. Толстого в повести «Хаджи-Мурат» // Очерки по стилистике русского языка. М., 1959. 168 С.

Михайловский Н.К. Сочинения. Т. 6, СПб., 1897.

Мордовцев Д.Л. Собр. соч. Т. 56. СПб., 1902.

Мордовцев Д.Л. Царь без царства. Нижний Новгород, 1991.

Мышковская Л. Работа Л.Н. Толстого над произведением. М., 1931.

Опульская Л.Д. Л.Н. Толстой // Истории русской литературы: в 10 т. Т. 9, ч. 2.

Палиевский П. Реалистический метод позднего Толстого (повесть «Хаджи-Мурат»). // Лев Николаевич Толстой: сб. статей о творчестве / под ред Н.К. Гудзия: в 2 т. М., 1959;

Палиевский П.В. Художественное произведение // *Палиевский П.В.* Пути реализма: литература и теория. М., 1974.

Семенов Л. Кавказ и Лев Толстой. 1828 – 1928. Владикавказ, 1928.

Сорочан А.Ю. Квазиисторический роман в русской литературе. Творчество Д.Л. Мордовцева. Тверь, 2007.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М., 1950. Т. 73.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М., 1950. Т. 35.

Шатин Ю.В. Художественная целостность и жанрообразовательные процессы. Новосибирск, 1991.

Шкловский В.Б. Последняя повесть Л.Н.Толстого // Вопросы литературы. 1959. № 7.

Эйхенбаум Б. О повести Л.Н.Толстого «Хаджи-Мурат» М.; Л., 1936.

Юнусов И.Ш. Постижение чужого в творчестве Л.Н.Толстого. Москва; Бирск, 2002.

Susan Layton. Imagination the Caucasian Hero: Tolstoj vs. Mordovcev // Slavic and East European Journal. Vol / 30 № 1 (1986).